

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ФОРМАЛИЗОВАННОСТЬ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(на материале английского и французского языков)**

Емельянова Надежда Александровна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: espere402@gmail.com.

Глинчевский Эдвард Иванович, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: ned81@yandex.ru.

В данной статье рассматриваются особенности дипломатического дискурса и политической коммуникации на английском и французском языках. Охарактеризованы как основные особенности дипломатического дискурса на любом языке (а именно, его интертекстуальность и формализованность), так и специфичные для языка британской и французской дипломатии.

Ключевые слова: политический дискурс, интертекстуальность, формализованность высказывания, политическая коммуникация, стилистические приёмы, язык дипломатии

**INTERTEXTUALITY & FORMALITY OF DIPLOMATIC DISCOURSE
(based on English & French language material)**

Emelyanova Nadezhda A., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: espere402@gmail.com.

Glinchevskiy Edvard I., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: ned81@yandex.ru.

This article concerns the specific features of the diplomatic discourse and political communication in English and French. It characterizes both the main features of the diplomatic discourse in any language (in particular, its being intertextual and formalized) and peculiarities specific for the language of the British and French diplomacy.

Keywords: political discourse, intertextuality, formalized utterance, political communication, stylistic devices, language of diplomacy

Дипломатический дискурс – неотъемлемая часть речевой деятельности современного общества в целом и политической коммуникации в частности. По сути своей язык дипломатии представляет собой вербальную манифестацию официальных ролевых и статусных отношений, сложившихся в коммуникативном пространстве дипломатии как социального института. Специфика дипломатической деятельности, безусловно, находит своё отражение в стилистических и лексико-грамматических особенностях языка дипломатии, что подтверждается приводимыми ниже примерами из отобранного нами практического материала.

Материалом исследования послужили высказывания французских и британских дипломатов во время двух- и многосторонних встреч и переговоров, а также выступления представителей дипломатических ведомств и правительства Франции и Великобритании перед законодательными органами соответствующих стран и на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН. Всего было отобрано 100 страниц соответствующих выступлений. Тексты и видеозаписи

выступлений были взяты с официальных порталов правительства Французской Республики (<http://www.elysee.fr>) и правительства Великобритании (<https://www.gov.uk>), а также видеохостинга www.youtube.com. На примере приводимых ниже высказываний британских и французских дипломатов подробно рассмотрим две ключевые особенности англо- и франкоязычного дипломатического дискурса – интертекстуальность и формализованность языка.

Под *интертекстуальностью* подразумевается взаимосвязь текстов и большого количества референций к предыдущим выступлениям и событиям прошлого, настоящего и будущего.

Анализ отобранных выступлений дипломатов подтверждает высокую частотность референций. Так, во время встречи с президентом Буркина-Фасо господином Каборе в апреле 2015 г., президент Франции Ф. Олланд в своей речи неоднократно обращался к напряжённой ситуации в регионе, связанной с высокой активностью террористических групп, в частности, упомянув теракты в Бамако, Уагадугу и Абиджане:

«...s'est, hélas, produit à Bamako, s'est reproduit à Ouagadougou, puis ensuite à Abidjan...».

«...comme je l'avais fait dans les circonstances qui ont été particulièrement douloureuses pour le Burkina Faso...».

«Une fois encore, nous avons exprimé notre solidarité à l'égard du Burkina Faso...».

Интертекстуальность также выражается в упоминании предыдущих выступлений, заявлений, а также достигнутых соглашений:

«Il y a trois ans, j'étais à cette même tribune et je m'adressais à vous».

«En 1945, la France était représentée à la conférence fondatrice de l'UNESCO par...».

«...être capable de se projeter et de dire quel monde elle veut – nous l'avons fait pour les Objectifs du Développement Durable – nous devons le faire pour le climat...».

«Je rappelais hier, devant cette Assemblée...».

«...je me souviens encore de notre visite avec la Directrice générale, Madame BOKOVA...».

«Cette base a été donnée à Genève il y a plus de trois ans déjà».

«...to fulfil the promise I made when I stood for a second term as Prime Minister».

«...as some of us heard in a powerful event last Thursday».

«This deal has delivered on the commitments I made at the beginning of this renegotiation process».

«I began this negotiation to address the concerns of the British people».

«We have also discussed the importance of tackling the threat of Islamist extremism in Africa, and we have agreed to step up...».

Зачастую отсылки к высказанным ранее мнениям служат для обозначения позиции страны по тому или иному вопросу:

«...comme le disait André MALRAUX « a fait de l'homme autre chose qu'un accident de la nature»».

«Cet homme d'Etat s'appelait Léon Blum, qui considérait que <...> Et il ajoutait <...> Cette sagesse active, c'est toujours la mission de l'UNESCO».

«As the Secretary-General argued recently in Cambridge, England...».

«...which the Spanish Minister rightly highlighted, and which the UK is proud to commit to».

«...as my New Zealand colleague has just said...».

«And I welcome their robust actions <...> as SRSG Haysom referred to in his remarks».

«Looking back on last week's hearings, it was heartening to hear all nine declared candidates commit themselves to achieving a two-state solution...».

«We welcomed the briefing by the UN Special Envoy last week...».

«I want to join others in thanking the Secretary-General for his insightful briefing...».

«...as we have heard today...».

Референции к прошлым событиям иногда становятся также основой для яркой образности и служат подтверждением доброжелательности по отношению к собеседнику. Такое явление имело место в выступлении президента Франции Ф. Олланда по итогам Франко-британского саммита в марте 2015 г.

Подтверждая дружественные отношения двух стран, Ф. Олланд упомянул в своей речи Англо-французское соглашение 1904 г.: «...nous avons appelé l'Histoire, y compris l'entente cordiale». «Entente cordiale», в переводе с французского «сердечное соглашение» – несколько подписанных совместно Францией и Великобританией соглашений о прекращении соперничества за африканские колонии. Ссылаясь на это историческое событие, ознаменовавшее новый партнёрский этап в отношениях двух стран, президент Франции развивает этот образ, желая подчеркнуть актуальность этих соглашений спустя столетие, и даже укрепление дружественных связей между Францией и Великобританией: «Je confirme ici que l'entente est toujours cordiale et même amicale».

Вторая ключевая особенность языка дипломатии – *высокая степень формализованности*, обусловленная определёнными условиями осуществления коммуникации, лексическим и синтаксическим выбором, ведь дипломатическая коммуникация чаще всего регламентируется протоколом.

Так, в анализируемых выступлениях не используется лексика, соответствующая сниженному регистру речи. Синтаксические конструкции обладают ясным, структурированным характером в отличие от сбивчивой и синтаксически неверной разговорной речи.

Формализованность дипломатического дискурса реализуется также в просодии и невербальных средствах коммуникации. Это проявляется в относительно ровном тоне голоса, а также в ограниченной жестике, не выходящей за пределы рукопожатия или едва заметных объятий, а также лёгких жестов, подтверждающих сказанное или вопрошающих у собеседника о правильности логики высказывания.

Охарактеризовав ключевые особенности дипломатического дискурса в целом, представляется целесообразным проанализировать основные черты дипломатических высказываний на французском и английском языках. Прежде всего, дадим общую характеристику дипломатического дискурса этих стран.

Французский язык – очень разработанный лингвистический феномен, долгое время служивший моделью для других языков. Основными стилистическими чертами французского дипломатического дискурса являются:

- обилие юридических и административных терминов, вследствие чего использование длинных, сложных, но хорошо организованных фраз;
- ясность;
- богатство красок;
- большое количество ссылок на исторические события;
- логика развития мысли от общего к частному (от философских идей к конкретным примерам).

Известно, что до конца Первой мировой войны французский язык был единственным языком дипломатии для всех европейских стран.

Британская дипломатическая служба также долгое время была эталоном представления интересов государства наряду с французской. Английский политический и дипломатический дискурс отличается большим количеством ярких образов, сравнений, метафор. Также ему присущ уход от категоричного ответа, избегание острых спорных ситуаций, в результате чего речь англий-

ских дипломатов изобилует такими формулировками, как «It seems to me», «I think», «probably». Ещё одной характерной особенностью английской дипломатии является многозначность слов, что даёт возможность для нескольких трактовок высказываний.

Сравнив высказывания французских и английских дипломатов, мы отметили некоторые общие черты их дипломатических дискурсов. В результате анализа отобранного материала, мы пришли к выводу, что одной из особенностей высказываний представителей обеих стран является яркая образность. Наиболее частотными стилистическими тропами, применяемыми дипломатами в анализируемом материале, являются метафора (*cancer that rots a country, murky side negotiation, banish from the face of the earth, battered by the waves of international crises, but unbowed, proudly at the heart of the international order; to carve the UK out of, leaving Europe is an automatic fast-track to a land of milk and honey, at the eye of the storm of conflict and repression; next door to us – on the continent of Europe; les victimes et le bourreau, qu'elle parie sur les forces de l'esprit, donner un nouveau souffle, la conscience morale de l'humanité*) и синекдоха (*from the ashes of the Second World War, we stand shoulder to shoulder*).

В следующей метафоре «*tide of refugees seeking sanctuary*» мы видим сразу два ярких образа. Во-первых, образ беженцев претерпевает дегуманизацию, сравниваясь с волной. Этот приём вероятно используется для того чтобы придать этому образу некую безликость, лишить его эмоциональной окраски, которую он может вызвать: сострадание, сочувствие, и т.д. Во-вторых, в метафоре используется понятие «*sanctuary*», означающее в данном контексте убежище, но изначально обладающее религиозным значением храма, святого места, в котором человек может быть в безопасности. Таким образом, Великобритания, Европа здесь сравнивается с храмом – априори чистым, безгреховным местом, обладающим неким правом решать участь пришедших. Исходя из этого образа, Европа заведомо не несёт ответственности за причины, побудившие людей бежать из родных стран, но благодушно принимает всех, ищущих света и спасения.

Следующий образ применяется Д. Кэмероном в речи об отношениях Великобритании с Евросоюзом: «*leaving Europe is an automatic fast-track to a land of milk and honey*». Здесь «*land of milk and honey*» («земля обетованная») – это образ рая, т.е. невозможного на Земле, в этой реальности. Таким образом, британский премьер-министр характеризует это решение как заведомо недостижимое, невозможное в этом мире, обозначая одновременно свою позицию по данному вопросу.

Метафора с элементом синекдохи «*affaiblir Londres, c'est se tirer une balle dans le pied pour toute l'Union Européenne*» подчёркивает также важность Великобритании для Европейского союза: выбор образа «Лондон – нога» подчёркивает важность Великобритании для Европейского союза как опоры и поддержки для всего «организма».

Стоит отметить, что метафора является очень эффективным, а, следовательно, и популярным стилистическим средством в дипломатии. Это связано с тем, что приём метафоры основан на переносе значения слова: с утвердившегося в сознании «прямого» на уместное в данном контексте «косвенное». Дж. О'Доннелл и С. Джоуэтт утверждают, что воздействовать на аудиторию эффективнее всего, ссылаясь на хорошо знакомые и укоренившиеся образы, уже существующие ценности и принципы. «Люди воспринимают перемены нехотя; поэтому для того чтобы убедить их в чём-то, необходимо связать изменение с чем-то, во что человек уже верит. Это называется «якорь», потому что уже воспринято человеком и будет применяться, для того чтобы закрепить новое отношение и поведение» (Оригинальная цитата: «*People are reluctant to change; thus, in order to convince them to do so, the persuader has to*

relate change to something in which the persuadee already believes. This is called an 'anchor' because it is already accepted by the persuadee and will be used to tie down new attitudes or behaviors») [3, с. 18].

При анализе отобранного материала мы также обратили внимание на сходства французского и британского дипломатического дискурса в переходе от личного плана выражения к институциональному. Так, стоит отметить, что с трибуны Генеральной Ассамблеи главы государств в своих речах отождествляют своё выступление с голосом своей страны: «La France plaide pour...», «La France fait ce qu'elle peut...», «La France entend prendre ses responsabilités...», «...la France n'échappe pas...», «Britain is proud to have played its role...», «...the UK will increase its support...», «Britain has always believed...», «...the UK will support...», «Britain is proud to have played its role...». В то время как на двусторонних встречах или выступлениях чаще фигурируют личные местоимения первого лица единственного и множественного числа, более соответствующие камерной обстановке таких мероприятий, где важно создать доверительные личные отношения.

Конечно, тон высказывания и стратегии зависят от конкретных целей говорящего. Так, в ходе анализа мы обратили внимание на ясное изменение модальности речи в зависимости от отношений с позиции влияния страны. Например, на двусторонней встрече глав Франции и Буркина-Фасо намеренно подчёркивалась доминирующая роль Франции в этих двусторонних отношениях, выражающаяся в обильном употреблении местоимений «nous» и «notre», а также в частотных упоминаниях о поддержке и помощи Франции в отношении Буркина-Фасо как более слабой дружественной страны: «Nous, la France, nous devons les appuyer», «...nous encourageons les entreprises françaises à venir au Burkina Faso...».

Такое же настроение прослеживается и в выступлении министра Великобритании по делам Африки Дж. Дадриджа в Гане. В речи дипломата актор «Великобритания» чаще всего выступает в качестве подлежащего, выражая активные действия страны как более сильного государства по отношению к Гане: «...the UK Government wants to engage with», «The UK Government will continue to provide this type of support», «...the UK spends by to support», «...we want to champion Africa», «I am proud that it was delivered for the Ghanaian people by a British company, <...> with British expertise, British exports and UK financing support».

Однако характер выступлений совершенно меняется при официальных встречах с представителями равных или превосходящих по мировому влиянию государств. Так, в совместном заявлении Ф. Олланда и Б. Обамы на саммите по ядерной безопасности мы видим выражение партнёрских, равных отношений двух государств: «Avec le Président OBAMA, nous avons <...>, nous avons aussi <...>, nous sommes aussi <...>, nous constatons que <...>, nous avons aussi décidé...», «nous avons joué, Barack OBAMA et moi-même <...> notre rôle».

В выступлении на брифинге Генеральной Ассамблеи по сексуальной эксплуатации и надругательстве посол Великобритании в ООН П. Уилсон не прибегает к тактике смягчения, но напротив, выражает крайнюю категоричность, близкую к приказу, используя модальную конструкцию «must», которая придаёт речи также личностный характер: «...the United Nations and affected Member States must investigate...», «...perpetrators must be held to account...», «...United Nations staff as well as people living in the host country must be empowered...», «...that's the slogan that we must all use», «Troop contributing countries must also do their part», «It cannot continue, it must not continue...».

В ходе анализа мы обратили внимание также на манеру изображения своей страны представляющими её дипломатами. Изучив отобранный материал, мы выделили несколько граней образа Франции в выступлениях французских дипломатов.

Франция:

- процветающая страна – *terre de progrès, terre d'innovation*;
- страна, несущая образ свободы, независимости – *terre de liberté, ...un pays qui porte la liberté parce que c'est son identité*;
- сильная, бесстрашная – *un pays qui n'a peur de rien; France ne cède jamais devant le chantage, devant la pression, devant les actes barbares; la France entend être force d'action et de proposition*;
- заботящаяся о процветании и благосостоянии стран-соседей и не только – *...la France a pris une initiative; c'est ce que la France fait en Afrique. Mais c'est aussi ce que chacun des pays les plus conscients doit engager au plan international; ... à ce que le droit d'asile puisse être pleinement respecté et en même temps que nous puissions contrôler notre frontière extérieure, pour nous.*

В приведённой выше цитате мы нашли интересной последовательность дополнений в предложении: в первую очередь говорится об уважении права на убежище («...le droit d'asile puisse être pleinement respecté...»), и уже во вторую – о контроле своих внешних границ («...que nous puissions contrôler notre frontière extérieure...»). Тогда как очевидно, что национальные интересы стоят априори выше по значимости. Следовательно, такой порядок дополнений выбран намеренно для создания положительного образа страны.

- гостеприимная – *...la passion française d'accueillir le monde entier; fierté que nous avons d'être un pays qui échange avec toutes les cultures; La France, je le dis souvent, est un pays monde. C'est-à-dire que le monde est chez lui en France et la France est partout dans le monde; ...qui, au contraire, veut toujours que l'on puisse venir l'enrichir; La France est un pays ouvert et le demeurera. Ouvert à tous les arts, à toutes les musiques, à toutes les créations, à tous les publics*;

- исключительная – *une terre exceptionnelle; la France est située à la pointe de l'Europe, et au cœur de l'Europe. Здесь можно провести параллель с метафорой «affaiblir Londres, c'est se tirer une balle dans le pied pour toute l'Union Européenne», в которой Великобритания для Европы представляется как нога для организма.*

В то же время английские дипломаты оказались достаточно скупы на описательные образы Великобритании в анализируемом материале. Мы выделили одну основную характеристику, приписываемую ими Объединённому королевству. Итак, Великобритания представляется дипломатами как сильная независимая держава, гордящаяся своей стабильностью и благосостоянием – *our welfare system acting as a magnet; the unnatural draw that our benefits system exerts across Europe; Britain's great institutions; strong nation; strong proud nation; found the UK fertile ground; Britain has always raised her eyes to the horizon.*

Таким образом, вышеприведённые высказывания британских и французских дипломатов хорошо иллюстрируют ключевые особенности франко- и англоязычного дипломатического дискурса: как основные (интертекстуальность и формализованность языка), так и специфичные для данных языков: обилие стилистических приёмов; яркость, чёткость, недвусмысленность выражаемых мыслей; представление своих стран как ведущих держав мира и законодателей языка дипломатии; прямота и логичность высказывания, и одновременно избегание излишней категоричности.

Список литературы

1. Arifon O. Langue diplomatique et langage formel: un code à double entente / O. Arifon // In *Hermès*. – 2010. – No. 58. – P. 69–78.
2. Leboucher S. Obtenir plus grâce à la diplomatie dans ses relations professionnelles / S. Leboucher. – Режим доступа: <http://www.journaldunet.com/management/efficacite-personnelle/conseil/obtenir-plus-grace-a-la-diplomatie-dans-ses-relations-professionnelles/obtenir-plus-grace-a-la-diplomatie.shtml>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. франц.
3. O'Donnell G. Propaganda and persuasion / G. O'Donnell, S. Jowett ; ed. by S.G. Jowett, V. O'Donnell. – 5nd ed. – USA: SAGE Publications, 2012. – P. 35.
4. The United Nations Terminology Database. – Режим доступа: <https://unterm.un.org/UNTERM/portal/welcome>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
5. Вебер Е. А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Вебер. – Иркутск, 2004. – 213 с.
6. Кожетева А. С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса : дис. ... канд. филол. наук / А. С. Кожетева. – М., 2012. – 193 с.
7. Официальный сайт правительства Великобритании. – Режим доступа: www.gov.uk, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
8. Официальный сайт президента Франции. – Режим доступа: www.elysee.fr, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. франц.
9. Саидов Х. А. Дипломатическая терминология и её особенности в разнотерминовых языках / Х. А. Саидов // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – 2012. – № 5. – С. 216–220.
10. Терентий Л. М. Основные черты дипломатического дискурса / Л. М. Терентий // Достижения высшей школы : мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф. – 2011. – С. 60–62. – (Т. 22. Филологические науки).

References

1. Arifon O. *Langue diplomatique et langage formel: un code à double entente* [Diplomatic language and formal language: a two-way code]. In *Hermès* [In *Hermès*], 2010, no. 58, pp. 69–78.
2. Leboucher S. *Obtenir plus grâce à la diplomatie dans ses relations professionnelles* [Getting more through diplomacy in professional relations]. Available at: <http://www.journaldunet.com/management/efficacite-personnelle/conseil/obtenir-plus-grace-a-la-diplomatie-dans-ses-relations-professionnelles/obtenir-plus-grace-a-la-diplomatie.shtml>.
3. O'Donnell G., Jowett S. *Propaganda and persuasion* [Propaganda and persuasion]. Ed. by S.G. Jowett, V. O'Donnell. 5nd ed. USA: SAGE Publications publ., Inc. publ., 2012, p. 35.
4. The United Nations Terminology Database. Available at: <https://unterm.un.org/UNTERM/portal/welcome>.
5. Veber E. A. *Opyt lingvisticheskogo issledovaniya kognitivnogo dissonansa v anglijskom diplomaticheskom diskurse* [Experience of linguistic research of cognitive dissonance in the English diplomatic discourse]. Irkutsk, 2004, 213 p.
6. Kozheteva A. S. *Lingvopragmaticheskie harakteristiki diplomaticheskogo diskursa* [Linguistic-pragmatic characteristics of diplomatic discourse]. Moscow, 2012, 193 p.
7. *Official'nyj sajt pravitel'stva Velikobritanii* [Official website of the UK government]. Available at: www.gov.uk.
8. *Official'nyj sajt prezidenta Francii* [Official website of the President of France]. Available at: www.elysee.fr.

9. Saidov H. A., Saidov H. A. *Diplomatičeskaja terminologija i ejo osobenosti v raznosistemnyh jazykah* [Diplomatic terminology and its features in non-system languages]. *Vestnik Tadžikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki* [Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics], 2012, no. 5, pp. 216–220.

10. Terentij L. M. *Osnovnye čerty diplomatičeskogo diskursa* [Main features of diplomatic discourse]. *Dostizhenija vysshej shkoly* [High school achievements], 2011, pp. 60–62. (Vol. 22. *Fi-ologičeskie nauki* [Vol. 22. Philological science]).

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРИЧАСТИЯ II В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

Соколова Алина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Тверской государственный медицинский университет, 170100, Россия, г. Тверь, ул. Советская, 4, e-mail: alinasokolova.tver@yandex.ru.

В статье представлены основные результаты сравнительного исследования грамматических характеристик (синтаксическая позиция, функции и валентность) причастия прошедшего времени в древнеанглийский и среднеанглийский периоды. В древнеанглийских текстах причастие прошедшего времени имеет двойственный характер, сочетая именные и глагольные черты. В среднеанглийский период грамматические характеристики причастия прошедшего времени претерпевают значительные изменения. Наблюдается значительное сужение функций и валентностных характеристик причастия. В среднеанглийский период причастие прошедшего времени очень редко употребляется с существительным, как в атрибутивной, так и в аппозитивной функции. Отмечается явное преобладание употребления причастия с глаголом (преимущественно в предикативной функции). Причастие прошедшего времени практически лишается атрибутивных и обстоятельственных функций и валентности, сохраняя и расширяя глагольные функции и, следовательно, глагольную валентность (сочетаемость с глаголом-связкой).

Ключевые слова: древнеанглийский период, среднеанглийский период, нефинитные формы глагола, причастие II, именные и глагольные черты, сужение функций и валентностных характеристик

ABOUT THE CHANGES IN THE GRAMMAR CHARACTERISTICS OF PARTICIPLE II IN THE MIDDLE ENGLISH PERIOD

Sokolova Alina Yu., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tver State Medical University, 170100, Russia, 4 Sovetskaya st., e-mail: alinasokolova.tver@yandex.ru.

The article presents the results of the comparative studies of grammar features (syntactic position, functions and valency) of past participle in the Old and Middle English periods. In the Old English texts participle has a dual character, combining nominal and verbal features. In the Middle English period, the functions of past participle undergo significant changes. The analysis showed a narrowing of the functions and valency characteristics of past participle. In the Middle English period, past participle is very rarely used with a noun in both attributive and apposition functions. There is a marked predominance of the use of the participle with the verb (mainly in the predicative function). Past participle is practically deprived of attributive and adverbial functions and valencies, preserving and expanding the verbal functions and consequently, verbal valence (compatibility with the link verb).

Keywords: the Old English period, the Middle English period, non-finite verbal forms, participle II, nominal and verbal features, a narrowing of the functions and valency characteristics